

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПЛУТАРХ МОРАЛИИ

PLUTARCHI CHAERONENSIS
SCRIPTA MORALIA

*

ПЕРЕВОД ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Л. А. ФРЕЙБЕРГ и *М. Л. ГАСПАРОВА*

Перевод с древнегреческого и комментарии

Г. П. Чистякова и Э. Г. Юнца

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

ПЛУТАРХ МОРАЛИИ

ОБ УДАЧЕ РИМЛЯН

Публикуемый трактат принято считать первым по времени из того, что дошло до нас от Плутарха. Как и трактат «Об удаче и доблести Александра Великого», это сочинение живо напоминает риторические упражнения на заданную тему. На широкую популярность этой темы указывает то, что у Тита Ливия¹, Аппиана², Диона Хризостома³, Юлиана Отступника⁴ и у других писателей можно легко обнаружить целый ряд рассуждений подобного рода. Трактат написан в первой половине 60-х годов I в. н. э. или несколько позднее, но во всяком случае в то время, когда Плутарх учился у Аммония, Эмилиана или у какого-то другого ритора. Автору в это время было немногим больше 20 лет.

По своему жанру это декламация, предназначенная для публичного чтения. Но была ли она прочитана или нет, сказать нельзя. Основное содержание ее заключается в следующем: Плутарх берет исторические факты, как широко известные, так и мало где упоминаемые, и интерпретирует их в нужном ему свете. Это не рассказ о событиях, а попытка их осмыслить по-своему, иными словами — историсофский очерк.

Задача автора — раскрыть положение, согласно которому в истории действуют две силы: удача и доблесть (Τουχη — лат. Fortuna и Ἀρετή — лат. Virtus), иначе говоря, случайное и преднамеренное. В одних случаях проявляет себя первая, в других — вторая, но величие Рима — это, бесспорно, результат совместных усилий обеих. Плутарх пытается утверждать, что заимствовал эту схему у натурфилософов, но на деле он исходит из знаменитого тезиса Полибия в том, что Рим вознесла Удача⁵. То, что весь обитаемый мир попал под власть Рима, согласно Полибию, — «величайшее деяние Удачи, которая никогда прежде не совершала ничего подобного». В качестве антитезы к этому положению римская историография выдвинула свою точку зрения: Рим — это детище исключительной доблести его граждан. Плутарх остроумно сталкивает обе концепции и в конце трактата задает вопрос о том, как бы сложились дела, если бы римлянам пришлось воевать с Александром. Оказывается, даже его кончина — это одно из проявлений сопутствовавшей римлянам Удачи. Этот же вопрос обсуждает Тит Ливий⁶, но решает его диаметрально противоположно: Александр был вознесен Удачей, к тому же ненадолго, а в основе величия Рима лежат деяния народа, ведшего войны в течение 800 лет. Ливий говорит о том, что Александр был крайне невоздержанным, а Элиан⁷ подчеркивает, что ему были свойственны недостойные поступки.

¹ Liv., IX, 17—19.

² App., Prooem. 18, 11.

³ Dio Chrys., II, 74—83.

⁴ Julian., Or. I, p. 19 C.

⁵ Polyb., I, 1—4, особенно § 4.

⁶ Liv., IX, 17—19.

⁷ Ael., Var. Hist. II, 23.

Он сообщает, что подвиги Александра, как правило, целиком относят на счет Удачи, Саллюстий⁸ же сетует на то, что Фортуна к римлянам несправедлива. Плутарх отталкивается от этой концепции, но при этом выворачивает ее наизнанку: в публикуемом сочинении, а затем в трактате «Об удаче и доблести Александра» он показывает, что прославившийся своей доблестью Рим во многом обязан лишь одному случаю и своей блестящей Фортуне, тогда как Александр добился своего благодаря невероятной доблести. Причем Фортуна, по мнению Плутарха, неоднократно и жестоко препятствовала Александру. Удачу ему заменяли нравственные качества, которыми он пользовался как истинный философ.

Трактат «Об удаче римлян» (№ 175 в Ламприевом списке сочинений Плутарха) в ряде списков носит более подробное название: «Кому принадлежат деяния римлян, Удаче или Доблести?». Подлинность трактата сомнений не вызывает⁹, в тексте много испорченных мест, которые в настоящее время детально разработаны критически. Декламация дошла до нас без окончания и, возможно, не была закончена автором. Во всяком случае Плутархом она не была отделана окончательно и вышла в свет только после его смерти. На это указывает тот факт, что один и тот же рассказ о святылицах Фортуны в Риме повторяется дважды в разных местах с незначительными изменениями¹⁰.

Публикуемый трактат посвящен спору между персонафицированными Удачей и Доблестью (поэтому эти слова пишутся с большой буквы). Этот спор переходит в трактат об Александре, а его отголоски можно найти и в других сочинениях Плутарха.

Материал, собранный здесь Плутархом, широко использован им в «Римских вопросах» и в жизнеописаниях Ромула, Нумы, Камилла и Антония, а также в других сочинениях. Поэтому имеет смысл отметить, что именно здесь Плутарх впервые затронул те вопросы, к которым неоднократно будет возвращаться в течение всей своей жизни.

Перевод выполнен по изданию *Plutarchi Moralia, vol. II, recensuerunt et emendarunt W. Nachstädt, W. Sieveking, J. V. Titchener, Leipzig, 1971.*

Вступительная статья Г. П. Чистякова, § 1—8 — перевод и примечания Г. П. Чистякова, § 9—13 — Э. Г. Юнца.

- С** 1. Часто имевшие многочисленные и серьезные споры друг с другом Доблесть и Удача сражаются и сейчас из-за Римской державы, выясняя, чье это творение и кто именно из них произвел на свет столь великую силу. Для той, которая одержит верх, немалым достижением будет оправдание от обвинений: ведь Доблесть обвиняется в том, что она прекрасна, но бесполезна, а Удача — в том, что она хороша, но переменчива. Говорят, что первая трудится бесплодно, а вторая даруется незаслуженно. И тем не менее, если отдать Рим одной из них, кто не признает, что Доблесть в высшей степени полезна, **Д** коль скоро она даровала достойным мужам такие блага, или что благоволение Удачи более чем постоянно, раз она вот уже столь долго оберегает то, что дала. Поэт Ион в сочинениях, написанных дистихами и прозой, говорит, что Удача, будучи весьма непохожа

⁸ S a II., Cat. 8.

⁹ Значительно сложнее обстоит вопрос о подлинности трактата «Об удаче и доблести Александра Великого». И. Керст (см. J. K a e r s t, RE, I, стб. 1413, 1426) отрицал подлинность обеих частей трактата. А. Шефер (A. S c h ä f e r, Jahrb. für Philol., 1870, стр. 441) и Л. Вебер (L. W e b e r, De Plutarcho Alexandri laudatore, Göttingen — Halle, 1888) пришли к выводу о подложности второй его части, но В. Нахштедт в специальной работе достаточно аргументированно доказал принадлежность этого сочинения Плутарху (W. N a c h s t ä d t, De Plutarchi declamationibus quae sunt de Alexandri fortuna, В., 1895). Большинство сведений, содержащихся в этом трактате, можно найти у Арриана, Квинта Курция Руфа и др. Интерес представляет не сам материал, а его истолкование — восторженная оценка, которую Плутарх дает буквально всему, что связано с Александром.

¹⁰ Ср. 318 D — 319 A и 322 C — E.

на Мудрость, порождает плоды, очень похожие на творения последней¹. Обе они растят и украшают людей, ведут их к славе, могуществу и власти. Нужно ли умножать здесь число примеров? Ту Природу, которая рождает и дает нам все, одни считают Удачей, а другие — Мудростью. По этой причине настоящее рассуждение поставит Рим в положение в известной степени прекрасное и достойное зависти, поскольку мы будем рассуждать о нем, выясняя, кто его возвеличил — случай или провидение, почти как о земле, море, небе и звездах².

Е 2. Я думаю, что не ошибаюсь, полагая, что Удаче и Доблести, хотя они всегда воюют и спорят между собою, для создания такого сгустка власти и силы следовало объединиться и совместно завершить и устроить самое прекрасное из человеческих творений³. Из огня и земли, как из необходимых и основных элементов, о чем рассказывает Платон⁴, возник космос, ставший видимым и осязаемым от того, что земля принесла ему тяжесть и устойчивость, а огонь — цвет, форму и движение. В то же время вода и воздух, находящиеся посередине, ослабляя и приглушая противоположности между крайними элементами, объединили их и соединили в вещество. Подобно этому, как я полагаю, Время, укреплявшее Рим, по божественной воле объединило и смешало Удачу и Доблесть с той целью, чтобы, взяв от каждой ее черты, создать для всех людей священный алтарь⁵, поистине приносящий пользу, «надежный канат», вечную опору во всех обстоятельствах, «якорную стоянку против качки и волнения», как говорит Демокрит⁶. Физики, как известно, считают, что космос не был искони⁷ таков, каков он есть, и думают, что тела не стремились соединяться и смешиваться для того, чтобы из них по природе возникла общая форма. Будучи малыми по величине, они блуждали повсюду, скрываясь и убегая от остановок и слияний. Затем, став больше, они начали вступать в страшные схватки друг с другом, отчего возникало смятение, волнение и сотрясения. Все было наполовено беспорядком, шаткостью и обломками до тех пор, пока земля не приобрела своей величины от соединившихся вместе блуждающих тел и не заняла своего положения, а прочим телам не предоставила места в себе или около себя⁸. Подобно этому огромные державы и царства среди людей по воле случая рушились и сталкивались друг с другом, поскольку никто один не властвовал над всеми, но каждый к этому стремился. Царили невыразимый беспорядок,

¹ Эта же цитата в несколько иной форме повторяется Плутархом в «Застольных беседах» (Mor. 717 В). См. также Diels, 36 В, 3.

² С этого места Плутарх начинает проводить целый ряд параллелей с натурфилософией. Он стремится доказать, что говорит об истории, оперируя теми категориями, которыми пользуются обычно натурфилософы. Это делается для того, чтобы придать своим выводам солидность, убедить читателя, что они так же точны и обосновательны, как выводы натурфилософов.

³ Аналогично рассуждал Аппиан (см. Proem. 11), который считал, что величайшему благоволению Удачи к римлянам способствовали их доблесть и умение переносить трудности и страдания. Само же благоволение Удачи они приобрели благодаря благодарам.

⁴ P l a t o, Tim. 28b, 32b.

⁵ В тексте *ἑστία ἱερὰ*. Рим здесь уподобляется алтарю, у которого должны искать спасения и помощи все народы.

⁶ См. Diels, 148 В. Эта же цитата в несколько ином виде еще раз встречается у Плутарха в трактате De amore prol. (Mor. 495Е).

⁷ «Искони» — *πάλαι* — конъектура Ф. К. Вэббита. См. Plutarch's Moralia, t. IV, L., 1936, стр. 326.

⁸ Подобная картина возникновения мира нарисована в трактате Placita Philosophorum (Mor. 878 С — F).

С волнения и разнообразные перемены повсюду, пока Рим не приобрел силы и величия и не присоединил к себе не только ближайшие племена и народы, но и далекие владения правивших за морем царей, не занял места, более всего огражденного от опасностей, и не распространил на круг земель свое владычество и царство мира⁹. Причем мужам, все это созидавшим, как это будет показано в продолжение моей речи, была присуща истинная Доблесть и сопутствовала постоянная Удача.

3. А теперь, по-моему, нужно как бы с наблюдательного пункта рассмотреть схватку между сошедшимися Удачей и Доблестью¹⁰. У Доблести походка спокойна и взгляд постоянен, а предстоящий спор вызвал на лице румянец гордости. Она сильно отстает от торопящейся Удачи, ведут ее и сопровождают во множестве в качестве кошеньосцев

Павшие в битвах мужи с оружием влажным от крови¹¹,

Е отягощенные боевыми ранами, истекающие кровью, смешанной с потом, и опирающиеся на сломанные копья врагов. Угодно ли узнать, кто это такие? Они сообщают, что это Фабриции, Камиллы, Луции Цинциннаты, Фабии Максимы, Клавдии Марцеллы и Сципионы. Вижу я и Гая Мария, разгневанного на Удачу. Есть там и Муций Сцевола, который показывает сожженную руку с воплем: «Неужели и ее ты отдаешь Удаче?». А вот и Марк Гораций, прославившийся у реки. Потопляемый этрусскими копьями, он вытаскивает раненую ногу из глубокого омута и восклицает: «По-вашему и я изуродован Удачей?». Вот каковы спутники Доблести, выступающие один за другим:

Тот мощный воин, кто врагам приносит смерть¹².

4. У Удачи шаг возбужденный, движения необузданные, она полна надежды похвастаться. Опережая Доблесть, она все время недалеко от нее, но не думайте, будто она «поднимает себя на легких крыльях» или подходит, ступая осторожно и нерешительно, «почти не касаясь земного круга»¹³, а затем удаляется так же незаметно. Нет, подобно тому как Афродита, о чем рассказывают спартанцы¹⁴, переплывая Эврот, отбросила зеркала, украшения и пояс и взяла копьё и щит, украсившись ими в благодарность к Ликиургу, Удача, покинув персов и ассирийцев, легко упорхнула в Македонию, а затем быстро отвергла Александра, минуя целые царства, пронеслась через Египет и Сирию и несколько раз побывала у карфагян. Затем, приблизившись к Палатину, она пересекла Тибр, надо

⁹ Имеется в виду лат. orbis terrarum и pax Romana.

¹⁰ Эта сцена (см. также начало § 4) имитирует широко известное рассуждение Продика Кеосского о Геракле, встретившем Порок и Добродетель в виде двух женщин (Хен., Мет. II, 1, 21—34). Об интерпретации этого рассуждения у Плутарха см. специальное исследование Zuretti, Riv. di filol., XXI, 1893, стр. 385—408.

¹¹ Od. XI, 41.

¹² Эта строка неоднократно цитируется Плутархом: дважды со ссылкой на Эсхила (Mor. 334 D и 640 A) и один раз без указания источника (Comparat. Dem. et Cic. 2).

¹³ Искаженная цитата из неизвестного источника. Представляет собою два стиха об Удаче, заимствованные из какой-то драмы, которые звучали приблизительно следующим образом:

Себя на легких крыльях поднимает,
Почти земного не касаясь круга.

¹⁴ Нигде более этот миф не излагается. Однако Павсаний (III, 15, 10) упоминает о косане вооруженной (ὠπλιζμένην) Афродиты в Спарте.

318 полагать, отложила свои крылья¹⁵, сняла сандалии и окончательно оставила землю, не заслуживающую никакого доверия и ненадежную. Так она появилась в Риме, чтобы здесь остаться навеки. Она пребывает тут и ныне, как будто ожидая приговора. Она совсем не кажется «непокорной», как говорится у Пиндара, и не

поворачивает свое кормило¹⁶,

и больше напоминает «сестру Благозакона и Послушания и дочь Предусмотрительности», как излагает ее родословие Алкман¹⁷. В руках она держит многократно воспетый рог изобилия, но только переполнен он не спелыми плодами, а всем тем, что приносит земля и моря, реки, рудники и гавани. Щедро и во множестве изливает она все это. Знаменитые и славные мужи в немалом числе виднеются за нею. Нума Помпилий из земли сабинян и Приск из Тарквиний, которых, хотя они были чужими царями и иноземцами, она утвердила на престоле Ромула. Эмилий Павел, возвративший свое войско после войны с Персеем и македонцами невредимым¹⁸ и добывший победу без потерь, тоже восхваляет Удачу. Восхваляет ее и престарелый Цецилий Метелл Македоник, которого хоронили четверо сыновей-консуляров: Квинт Балеарик, Луций Диадемат, Марк Метелл и Гай Капрарий, а кроме них два консуляра зятя и внуки по дочери, прославленные всем известными подвигами как на войне, так и в государственных делах¹⁹. Эмилий Скавр из низкого положения и еще более низкого рода был взят Удачей, сделан «новым человеком»²⁰ и записан в Великом Собрании в качестве первого²¹. Корнелия Суллу, взяв и вырвав из объятий его любовницы Никополы²²,

¹⁵ Этот образ, возможно, навеян бескрылой Никой, почитавшейся в Афинах (Paus., III, 15, 7).

¹⁶ Fr. 40. Текст известен только из этой цитаты (Pindari Carmina cum fragmentis, II, ed. H. Maehler, Lpz, 1975).

¹⁷ Fr. 62 (Bergk).

¹⁸ Это, бесспорно, преувеличение, допущенное для того, чтобы воздействовать на слушателя. Сам Плутарх со ссылкой на Посидония (Aemil. 21) и Тит Ливий (XXXIV, 42, 8) сообщают, что в битве при Пидне (168 г. до н. э.) было убито около ста человек и многие ранены. Правда, по словам Ливия, это были в основном пелигны, поэтому римляне действительно почти все остались целы.

¹⁹ Цицерон (De fin. bon. et mal. V, 27) сообщает, что три сына Метелла были консулами, а четвертый — претором. В «Тускуланских беседах» он упоминает о четырех знаменитых сыновьях Квинта Метелла (Tusc. disp. I, 35, 85). Подробнее всего о Метелле рассказывает Веллей Патеркул (I, 11, 2—7), повествование которого во многом напоминает рассказ Плутарха. Он говорит: «Вряд ли можно найти человека его рода, эпохи и сословия, счастье которого было бы равно удаче Метелла..., он вырастил четырех сыновей, всех их он успел увидеть взрослыми, всех оставил живыми и занимающими весьма высокие должности. Его смертный одр сопровождали четыре сына: один — консуляр и цензорий, другой — консуляр, третий — консул, четвертый — в то время домогавшийся консулата, чего впоследствии достиг. Это без сомнения больше похоже на счастливый уход из жизни, чем на смерть».

²⁰ В тексте *κλιτος ἀνδρικός*, т. е. homo novus. Это не совсем верно, потому что Скавр был, безусловно, человеком из знатного рода. Цицерон (Pro Murena, 7, 16) говорит о том, что он своей доблестью обновил изгладившуюся память о своем роде. Саллюстий (Jug. 25, 4) упоминает его среди лиц, принадлежавших к знати по рождению (majores natu nobiles), а в анонимном трактате De vir. ill. (72 сл.) сообщается, что он был знатен, но беден, «ведь его отец, хотя был патрицем, из-за бедности занимался торговлей углем».

²¹ Имеется в виду Princeps Senatus.

²² См. Plut., Sull. 11, 7: «Влюбившись в общедоступную, но состоятельную женщину по имени Никополы, он перешел потом на положение ее любимца в силу привычки и удовольствия, которое доставляла ей его юность, а после смерти этой женщины унаследовал по завещанию ее имущество» (перевод В. М. Смирнина).

она как монарха и диктатора поставила выше Мария с его кимврскими триумфами и семикратным консульством. Всеми своими делами он прямо объявил себя сыном Удачи как Эдип у Софокла, воскликнувший:

D Удачи сыном я себя считаю ²³.

На языке римлян он назывался FELIX ²⁴, а по-гречески писал свое имя следующим образом: Луций Корнелий Сулла Эпафродит ²⁵. Его трофеи у нас в Херонее и те, что воздвигнуты в память войн с Митридатом, надписаны именно так. Поэтому видно, что больше всего виновата в делах Афродиты не Ночь, как об этом говорится у Менандра, а Удача ²⁶.

5. Вот только сможет ли кто-нибудь после такого прекрасного вступления привести самих римлян в качестве свидетелей того, что они почитают больше, Удачу или Доблесть? Святилище Доблести у них поздно и по прошествии долгого времени от основания города воздвиг Сципион Нумантинский ²⁷, затем Марцелл ²⁸ учредил святилище, именуемое VIRTUTIS и HONORIS ²⁹, а кроме этих святилище, называемое MENTIS, — так, надо полагать, они именуют Разум, воздвиг Эмилий Скавр ³⁰, живший во время войн с кимврами. Произошло это потому, что когда греческое красноречие, остроумие и словоохотливость проникли в город, они начали почитать такого рода вещи. И тем не менее святилища Мудрости у них нет до сих пор, как нет святилищ Благоразумия, Великодушия, Самообладания или Воздержания. Но зато вот вам святилища Удачи, знаменитые и древние ³¹, и к тому же разбросанные по наиболее видным местам города. Первым соорудил святилище Удачи Марций Анк ³², внук F Нумы по матери, бывший четвертым царем после Ромула. Возможно, это именно он дал Удаче имя Мужества ³³, которому в достиже-

²³ Soph., Or. 1080.

²⁴ См. Plut., Sull. 34, где довольно точно повторяется настоящее рассуждение, причем упоминается даже о трофеях Суллы «у нас» (παρ' ἡμῶν), т. е. в Херонее.

²⁵ T. e. Venustus.

²⁶ См. Kock, III, 209. Это же изречение встречается у Плутарха в «Застольных беседах» (Mor. 654 D).

²⁷ Никаких других сообщений об этом нет.

²⁸ В 208 г. на средства сицилийской добычи Марк Клавдий Марцелл воздвиг в Риме близ Капенских ворот святилище Чести и Доблести (Plut., Marc. 28; Liv., XXVII, 25, 6—10; XXIX, 11, 13; Cic., De nat. deor. II, 23, 61 и др.). В ряде рукописей вместо имени Марцелла упомянуто имя Мария. Витрувий дважды (II, 2, 5; VII, praef. 17) говорит о храме Virtutis et Honoris, который связан с именем Мария. Однако здесь речь идет все-таки о Марцелле, во-первых, по той причине, что Плутарх перечисляет строителей храмов в хронологическом порядке, а во-вторых, потому что строительство этого храма связывается с именем Марцелла ниже, см. 332 С.

²⁹ Virtutis et Honoris, т. е. Доблести и Чести, — так в тексте. Все латинские слова в рукописях Плутарха пишутся греческими буквами.

³⁰ Об Эмилии Скавре см. прим. 20. О воздвигнутом им святилище Разума упоминает Цицерон (De nat. deor. II, 23, 61).

³¹ Ср. «Римские вопросы» (Mor. 281 E).

³² Ср. Plut., Num. 21. У Дионисия Галикарнасского сообщается, что первым соорудил святилище Удачи не Анк Марций, а Сервий Туллий (Ant. Rom. IV, 27).

³³ Имеется в виду, безусловно, Fortuna Fortis. См. Ovid., Fast. VI, 773—783; Dion. Hal., Ant. Rom. IV, 27. Дионисий Галикарнасский рассказывает о том, что Сервий Туллий соорудил два храма Удачи, которая в течение всей его жизни, как известно, была к нему благосклонна, один — на площади, именуемой Боариа, а другой — на берегу Тибра, этот храм он назвал именем Удачи Мужественной, как и сейчас он называется у римлян. По мнению У. Гудвина (см. Plutarch's Moralia, t. IV, L., 1936, стр. 337), у Плутарха идет речь не об эпитете «Мужественная», как этого следовало бы ожидать, а об имени «Мужество», поскольку прилагательное fortis Плутарх принял за род. падеж существительного fors. Однако издатели второго тома «Моралий» (см. введение к настоящему переводу) полагают, что эта ошибка заимство-

нии победы более всего способствует Удача. Храм Женской Удачи ³⁴ они построили еще до Камилла, после того как благодаря женщинам повернули прочь Марция Кориолана, который вел на город вольсков. Женщины во главе с матерью и супругой этого мужа отправились к нему и сумели своими просьбами добиться того, что он пощадил город и увел прочь войско варваров. Рассказывают, что
 319 после этого статуя Удачи во время ее посвящения в храм отверзла уста и сказала: «Вы, женщины города, были благочестивы, когда воздвигли меня по обычаю Рима» ³⁵. И, наконец, Фурий Камилл, когда он потушил галльский пожар и буквально снял Рим, цена которого уже была выражена в золоте, с чаши весов ³⁶, не учредил алтарей ни Благоразумию, ни Мужеству, а воздвиг их Вещему Слову и Предзнаменованию ³⁷ у Новой дороги в том самом месте, где перед началом войны Марк Цедекий, проходя ночью, услышал голос, приказавший в ближайшее время ждать войны с галлами. Удачу, которая почитается у реки, называют словом FORTIN ³⁸, что означает крепкая, сильная или мужественная, как имеющую силу побеждать все, что угодно. Ее храм они построили в Садах, завещанных Цезарем народу ³⁹, считая, что даже он так возвеличился благодаря доброй Удаче, как заявил об этом он сам.

В 6. Относительно Гая Цезаря я постыдился бы утверждать, что он возвеличился из-за благоволения Удачи, если бы он сам не заявил об этом. Дело в том, что, преследуя Помпея, он отплыл из Брундизия за один день до январских нон и, хотя дули зимние ветры, без затруднений пересек море, потому что Удача взяла верх над всеми обстоятельствами. Однако обнаружив, что войска Помпея
 С многочисленны как на суше, так и на море, он, будучи со всеми своими силами намного слабее противника, поскольку его войска, оставшиеся с Антонием и Сабинном, задерживались, отважился сесть на какое-то утлое суденышко и, введя в заблуждение его владельца и кормчего, отплыл под видом чьего-то слуги. Когда же близ устья реки они попали в опасное место и в сильный водоворот, увидев, что кормчий поворачивает назад, он сорвал с головы плащ и, показавши, кто он такой, воскликнул: «Смелее, друг мой, будь отважным

вана у Дионисия Галлицарнаского (*ibid.*). Если бы это было так, то Плутарх говорил бы вслед за Дионисием о Сервии Туллии, а не о Марке Анции, поэтому мы склоняемся к точке зрения В. Гудвина.

³⁴ О святилище *Fortunae Muliebris* см. *Plut.*, *Coriol.* 37, 38; *Liv.*, II, 40, 12; *Dion. Hal.*, *Ant. Rom.* VIII, 56, 2; *Val. Max.*, I, 8, 4.

³⁵ В жизнеописании Гая Марция Кориолана (см. прим. 34) Плутарх повторяет рассказ о заговорившей статуе с новыми подробностями. Здесь содержится пространное рассуждение о том, может ли статуя заговорить, и т. д. Валерий Максим (I, 8, 4) общает в латинском оригинале слова, которые, по преданию, изрекла статуя: *Rite me, matronae, dedistis riteque dedicastis* «Матроны, вы меня благоговейно установили и благоговейно посвятили».

³⁶ Рассказ о том, как Камилл снял с чаши весов золото, принесенное Кв. Сульпицием в качестве выкупа за то, чтобы галлы сняли осаду, см. в жизнеописании Камилла (*Plut.*, *Camill.* 28 и 29) и у Тита Ливия (V, 48,8—49,1).

³⁷ Имеется в виду так называемый *Ajus Locutius* («Вещий глаз»). Рассказ о голосе, который слышал Марк Цедекий, см. у Ливия (V, 32,6; 50,5; 52,11). Цицерон (*De div.* I, 45, 101; II, 32, 60) называет его *Ajus Loquens*. Авл Геллий (*Noct. Att.* XVI, 17) упоминает о нем со ссылкой на Варрона. Плутарх в жизнеописании Камилла подробно повторяет рассказ о Марке Цедекии (*Camill.* 14) и о сооружении храма «Вещего Глаза» (*ibid.* 30).

³⁸ Так в тексте. См. прим. 33.

³⁹ Об этом см. *Suet.*, *Div. Jul.* 83, 2; *Tac.*, *Ann.* II, 41; *Dio Cass.*, XLIV, 35,3. Тацит прямо указывает на то, что здесь осенью 16 г. н. э. был сооружен храм Фортуны. Это же сообщение Плутарх повторяет в жизнеописании Брута (*Brut.* 20).

Д и ничего не боясь, вручи паруса Удаче, следуй по ветру и будь спокоен, ибо ты везешь Цезаря и Удачу Цезаря!»⁴⁰. Так он показал, что Удача соучествовала ему на море, в странствиях, на войне и в руководстве войсками. Делом ее рук было то, что она ниспослала безветрие на море, зимнему времени — летнюю погоду, самым медлительным — быстроту, а самым нерешительным — отвагу, наконец, что кажется всего невероятнее, Помпея она обратила в бегство, а Птолемею внушила убить гостя, чтобы и Помпей погиб, и Цезарь не был замаран грязью.

7. Что же еще? Его сын, который первым был провозглашен Августом и правил пятьдесят четыре года⁴¹, посылая на войну своего внука, не просил ли сам для него у богов мужества Сципиона, славы Помпея и своей собственной Удачи?⁴² А ведь этим он признал создательницей своего величия Удачу, которая, вручив его Цицерону, Лепиду, Пансе, Гирцию и Марку Антонию, их блестящим деяниям, трудам и победам, морским сражениям, походам и войскам, подняла его, ставшего первым, выше всех, а затем, оставив его одного, низвергла тех, благодаря кому он поднялся так высоко. Ведь Цицерон устраивал для него государственные дела, Лепид воевал, Панса побеждал, Гирций погиб, а Антоний обезумел. Сам я даже Клеопатру, о которую как о подводную скалу ударился и разбился столь великий правитель для того, чтобы Цезарь остался один, тоже отношу на счет Удачи Цезаря. Рассказывают, что, будучи близкими родственниками и поддерживая дружеские отношения, Август и Антоний зачастую проводили досуг, играя в мяч или в кости, а иногда даже, клянусь Зевсом, устраивали бои между птицами, перепелами и петухами, причем побежденным всегда уходил Антоний. Поэтому один из его друзей, весьма преуспевший в искусстве прорицания, часто говаривал с ним откровенно и увещевал его следующими словами: «Друг мой, что за дело у тебя с этим юношей? Беги от него, ты — более знаменит, ты — старше его, у тебя под рукой больше людей, ты искушен в военном деле, у тебя большой опыт, но твой демон боится его демона и твоя Удача, которая сама по себе велика, смиряется перед его Удачей. Поэтому, если ты не будешь держаться от него подальше, Удача покинет тебя и перейдет к нему»⁴³.

8. Итак, под рукой у Удачи есть речательства от таких великих свидетелей. Следует, однако, от их деяний перейти к тем, история которых начинается от самого основания города. В самом деле, будет ли кто отрицать, что здесь Удача заложила основу тем, что Ромул родился, спасся, был выкормлен и вырос, а Доблесть возвела само здание? Ведь даже происхождение и появление на свет строителей и основателей города было, по-видимому, удивительным благоволением Удачи⁴⁴. Ибо мать родила их, как говорят, от соединения с богом. Геракл, по преданию, был зачат в особенно долгую ночь, когда наступление дня задержалось сверхъестественным путем и солнце медлило с восходом. Нечто подобное рассказывают о зачатии Ро-

⁴⁰ Этот же рассказ повторен в биографии Цезаря (Caes. 38).

⁴¹ Так в рукописях. Вероятно, это ошибка самого Плутарха, который, как известно, большого значения хронологии не придавал.

⁴² Это изречение повторяется в Aporphthegm. reg. et imp. (Mor. 207 E) и связывается с посылкой Гая в Армению.

⁴³ Этот рассказ повторяется в жизнеописании Антония (Anton. 33), где говорится о египетском прорицателе, имевшем влияние на Антония.

⁴⁴ К этим же вопросам Плутарх возвращается в «Римских вопросах» (Mor. 268 F; 278 C) и в жизнеописании Ромула (Rom. 3 сл.). См. также «Малые параллели» (Mor. 314 F).

- С мула, сообщая, что солнце подверглось затмению и полностью слилось с луною, подобно Аресу, который, будучи богом, сочетался со смертной Сильвией. То же самое случилось и в час удаления Ромула из этой жизни в Капратинские ноны⁴⁵, которые вплоть до сегодняшнего дня празднуются весьма торжественно, тогда, по рассказам, солнце неожиданно исчезло. После того как дети родились и царь задумал их погубить, унес их не какой-нибудь дикарь или жестокий исполнитель царской воли, а человек милосердный и жалостливый, и только поэтому они не были убиты. На берегу реки была зеленая лужайка, заросшая невысокими деревьями. Именно там он оставил детей где-то рядом со смоковницей, которая впоследствии была названа RUMINALIN. Вскоре к детям подошла волчица с сосцами, набухшими и переполненными молоком, она стремилась найти облегчение, поскольку ее щенята погибли, и поэтому поднесла к детям свои сосцы с молоком, как будто нарочно оставленным для них. Священная птица Ареса, которую называют дятлом, прилетая к ним, едва присаживалась и, открывая рот, каждого своим клювом кормила, словно птенцов, отдавая им часть своей собственной пищи. Смоковницу назвали RUMINALIN⁴⁶, конечно, из-за сосцов, которые волчица, опустившись под этим деревом, поднесла к детям. Почитая случившееся с Ромулом и все то, что походило на эти события, жители этого места долгое время сохраняли обычай ничто родившееся не бросать, а все подбирать и выкармливать⁴⁷. То, что они были тайно выращены и воспитаны в Габиях, тогда как никто не знал, что это сыновья Сильвии и внуки царя Нумитора, очевидно, было мудрым обманом Удачи, устроенным для того, чтобы они не погибли, не совершив того, что было бы достойно их происхождения, но в своих прославленных деяниях проявили бы Доблесть как признак своей благородной крови. Тут мне приходит на память слова Фемистокла, великого и мудрого полководца, сказанные им тем афинским военачальникам, которые уже после него успешно вели дела и поэтому считали себя важнее Фемистокла. Вот что он им сказал: «Послепраздничный день поспорил с праздничным и заявил, что тот утомителен и страшно занят, тогда как его проводят в отдыхе от приготовлений. Праздничный день на это ответил: „Ты говоришь верно, но если бы не было меня, то где был бы ты?“ „А если бы меня не было во время Персидских войн, — продолжил Фемистокл, — кто из вас был бы полезен теперь?“»⁴⁸. Это же, как мне кажется, может сказать Удача Ромула его Доблести: «Блестящи и великолепны твои деяния, и поистине 321 божественны твое происхождение и род, но разве ты не видишь, насколько ты отстаешь от меня? Ведь если бы я не сопровождала детей благосклонно и человеколюбиво, а бросила или покинула, то откуда бы взялась ты и каким образом прославила бы их? Если бы некогда не появилось животное, которое трясла лихорадка от переполнявшего сосцы молока, отчего оно нуждалось в том, чтобы накормить кого-нибудь, больше, чем в том, чтобы наестся самому, а пришел

⁴⁵ Этот рассказ повторяется у Плутарха трижды (Rom. 27 и 29; Num. 2; Camill. 33). О ритуале, связанном с Капратинскими нонами, см. там же.

⁴⁶ Название *figus Ruminalis* от лат. *guma* или *gumis* «грудь» производит Фест (р. 270). Подробно о Руминальской смоковнице см. прим. Н. В. Брагинской к переводу «Римских вопросов» (ВДИ, 1976, № 4, стр. 195, прим. 57,1).

⁴⁷ Вероятно, этот обычай относился к животным.

⁴⁸ Эту басню, рассказанную Фемистоклом, Плутарх с незначительными изменениями повторяет в «Римских вопросах» (Mor. 270 В) и в жизнеописании Фемистокла (Themist. 18). С этой же басни начинался трактат «О славе афинян» (De gloria Ath. 345 С), начало которого утрачено.

какой угодно свирепый и голодный зверь, то разве не были бы теперь эти прекрасные дворцы, храмы, театры, места для прогулок, площади и здания, построенные для нужд государства, хижинами пастухов и жилищами козопасов, подчиненных альбанцу, этруску или латину?». В любом деле важнейшее всего начало ⁴⁹, но особенно в закладке и основании города, а его-то и сделала возможным Удача, которая спасла и сохранила его основателя. Конечно, великим Ромула сделала Доблесть, но до того, как он стал великим, его сберегла Удача.

9. В продолжение всего царствования Нумы, оказавшегося очень долгим ⁵⁰, у руля государства несомненно стояла удивительно благосклонная Удача. То, что мудрое божество — одна из лесных нимф, некая Эгерия, влюбленная в этого мужа и разделявшая с ним ложе, помогала тому приводить в порядок государственное устройство и придавать ему надлежащий вид, пожалуй, похоже на вымысел ⁵¹.

С. Ведь другие смертные, которые, по преданию, имели богиню супругой или удостоились стать любимцем богини, — Пелей ⁵², Анхиз ⁵³, Орион ⁵⁴ и Эматион ⁵⁵, жили с ней не совсем по душевной склонности и не без тягостного чувства. На самом деле, как мне кажется, своей супругой, сообщницей и соправительницей Нума имел благую Удачу: город, который как бы кидало в мутные водовороты бушующего моря из-за вражды и неприязни со стороны соседей, который лихорадило от бесчисленных тягот и распрей, она взяла в свои руки и, точно порывы ветра, уняла разногласия и недоброжелательство; словно море, которое, как говорят, в зимнюю пору, принявши в себя

Д. отложенные зимородками яйца, бережно хранит их и лелеет ⁵⁶, она, разлив и распространив в делах государства такое же затишье, безмятежное, безвредное, безопасное и безветренное, позволила недавно образовавшемуся и волнующемуся народу укрепить и упрочить государство, мирно возрастающее без помех и препятствий. Грузовое или военное судно сооружается с ударами и всяческим насилием, по нему стучат молотками и гвоздями, клиньями, пилами и топорами, а будучи построено, оно должно стоять и положенное время усыхать, пока и скрепы не станут нерасторжимыми и обшивка не приобретет прочность, если же его спустят на воду с еще сырыми и скользящими сочленениями, то все, распатавшись, рассыпется и судно даст течь. И впрямь подобно этому основатель и первый правитель ⁵⁷ Рима, созидавая город из грубых пастухов, словно из мощных балок, немало потрудился и немалые отразил нападения и опас-

⁴⁹ Изречение сопоставимо с пифагорейским: *αρχὴ μὲν τοῖς ἅμισυ πάντος* «начало — это половина всякого дела» (см. J a m b l i c h. Vita Pyth. 162).

⁵⁰ Ниже Плутарх называет продолжительность правления Нумы — 43 года.

⁵¹ Сомнения по поводу легенды о связи Нумы с Эгерией Плутарх повторяет в его жизнеописании (Num. 4). Имя нимфы там написано Ἐγερία, а не Ἐγερία, как здесь.

⁵² Пелей, сын Эака, внук Зевса, имел супругой богиню Фетиду (II. XXIV, 60; XVIII, 432; XX, 206 sqq.).

⁵³ Любовный союз Афродиты и троянского героя Анхиза на горе Иде известен уже «Илиаде» (II. II, 820 sqq.; V, 247 sqq.; XX, 208 sqq.; ср. H e s i o d., Theog. 1008 sqq.).

⁵⁴ Ориона как возлюбленного богини Эос называет уже «Одиссея» (Od. V, 121 sqq.).

⁵⁵ Эматион, сын Эос и Тифона, брат Мемнона, царя эфиопов (H e s i o d., Theog. 984). О его браке с какой-либо богиней из других источников ничего неизвестно.

⁵⁶ По преданию, в течение нескольких дней зимой, когда дочь бога ветров Эола Алкиона, превращенная в зимородка (*αλκυών* — зимородок), высиживает птенцов, Эол утишает ветры (O v i d., Met. XI, 745). Если в зимнюю пору бурь и снегопадов на море неожиданно выдавался тихий ясный день, его называли «днем Алкионы» (A l c i p h r., Epist. I, 1).

⁵⁷ T. e. Ромул.

ности, по необходимости давая отпор тем, кто противился возникновению и образованию города; второй же, его преемник⁵⁸, имел время укрепить и упрочить процветание, получив по милости судьбы и полный мир и полное спокойствие. А если бы тогда на еще не окрепшие и шаткие стены обрушился, разбив свой этрусский лагерь, какой-нибудь Порсена⁵⁹ или любой другой необузданно воинственный предводитель из числа марсов либо луканов, взбунтовавшийся из зависти и соперничества, зачинщик смут и восстаний, какими позднее были Мутил, дерзкий Силон, и последний противник Суллы — Телезин⁶⁰, по одному знаку которого за оружие взялась вся Италия, оглушил звуками боевых труб философа Нуму, предающегося жертвоприношениям и молитвам, то недавно возникший город не устоял бы против такой качки и ударов волн и не вырастил бы множества отважных мужей. Теперь кажется, что тогдашний мир для римлян стал средством подготовки к последующим войнам и что народ, словно атлет, вслед за состязанием при Ромуле укрепил тело отдыхом в течение сорока трех лет, стал силой, достойной противостоять позднейшим врагам. И впрямь, за это время, как говорят, Рим не пострадал ни от голода, ни от мора, ни от бесплодия почвы, ни от преждевременного наступления лета или зимы, словно не человеческая рассудительность, но божественная Удача заботилась о таком положении вещей. Даже двойные ворота Януса, которые зовут вратами войны, тогда были заперты (они открыты всякий раз, когда случается война, а по заключении мира запираются). После смерти Нумы их отворили, потому что разгорелась война с альбанцами. Позднее, после бесчисленной вереницы других войн, непрерывно следовавших одна за другой, спустя четыреста восемьдесят лет они вновь были заперты при заключении мира, положившего конец войне с Карфагеном, в консульство Гая Атилия и Тита Манлия⁶¹. По истечении того года их опять отворили, и войны продолжались вплоть до победы Цезаря при Акции⁶², но и в этот раз римляне сложили оружие ненадолго, ибо мятеж кантабров и волнения, вспыхнувшие одновременно в Галлиях и среди германцев, нарушили мир. Впрочем, это прибавлено к нашему повествованию лишь как свидетельство благоволения Удачи, которое сопутствовало Нуме.

10. Удачу уже и после него цари почитали как градодержницу Рима, его кормилицу и, по выражению Пиндара⁶³, истинную «градохранительницу». А видно это вот из чего. Есть в Риме почитаемое

⁵⁸ Преемник Ромула — Нума Помпилий.

⁵⁹ См. Liv., II, 9 sqq.

⁶⁰ Здесь перечислены три выдающихся предводителя восставших против Рима италийских племен во время Союзнической (ниже, в § 11 Плутарх называет ее «Марсийской») войны 91—88 гг.: Гай Папий Мутил, Квинт Поппедий Силон и Понтий Телезин. Выражение «последний противник» (досл. «последняя схватка» — ἐσχάτον μάχης), примененное к Телезину, заимствовано из лексикона борцов-атлетов и представляет собой метафору, как это видно из параллельного места (Plut., Sull. 29, 4), где эта же метафора представлена в более развернутом виде: «Однако самнит Телезин, словно сменный борец, вызвав на последнюю схватку утомленного, едва не сумел сбить Суллу с ног и опрокинуть наземь у самых ворот Рима». Излюбленные Плутархом сравнения с борцами встречаются здесь же в § 9 («народ, словно атлет») и в § 13 («борцы, натренированные...»). Поппедия Силона (Ποππίδιος Σίλων) Плутарх упоминает в биографии Мария (Mar. 33,4).

⁶¹ Консульство Гая Атилия Бульба и Тита Манлия Торквата — 235 г. до н. э. О том, что врата Януса в этом году были заперты, Плутарх вторично говорит в жизнеописании Нумы (Num. 20), причем Гая Атилия по ошибке называет Марком Атилием.

⁶² Победа Октавиана над Антонием 2 сентября 31 г.

⁶³ Pind., fr. 39 (14). Это же выражение Пиндара цитирует Павсаний (IV, 30, 6). В других вариантах фрагмент не встречается.

святилище Доблести, которое они называют VIRTUTIS, но оно воздвигнуто поздно, спустя много времени от основания города Марцеллом, покорителем Сиракуз⁶⁴. Есть там и храм Разума, или, клянусь Зевсом, Здравомыслия, который они называют MENTEM, но и он освящен Эмилием Скавром⁶⁵, жившим приблизительно во время войн с кимврами, уже после того как в Рим проникли греческое красноречие, остроумие и словоохотливость. Святилища Мудрости, а также Благоразумия, Самообладания и Великодушия у них нет до сих пор, а вот как раз святилища Удачи, к тому же древние, украшенные всевозможными почестями, в большом числе воздвигнуты и разбросаны в самых видных местах и районах города. В их числе и храм Мужественной Удачи, построенный четвертым царем, Анком Марцием, так названный потому, что мужеству в достижении победы более всего способствует Удача⁶⁶, а уж храм Женской Удачи⁶⁷ — учрежденный женщинами, заставившими повернуть обратно Марция Кориолана, когда он вел на Рим вражеское войско, известен каждому. Сервий Туллий, который из царей наиболее приумножил могущество римского народа и упорядочил государственное устройство, подачу голосов и несение воинской службы, ставший первым цензором, а также блюстителем и исправителем нравов, бывший, по преданию, весьма отважным и разумным мужем, себя самого связывал с Удачей и под ее покровительство ставил свое правление. Есть даже предание о том, что Удача с ним разделяла ложе, входя к нему в опочивальню через какое-то окно, которое сейчас называют воротами FENESTELLA⁶⁸. Именно поэтому он воздвиг на Капитолии храм Судьбы, именуемой PRIMIGENIA, что в переводе, вероятно, означает «Первородной»⁶⁹, а также Судьбы OBSEQUENTIS, т. е. «Послушной», как считают одни, или «Милостивой», по мнению других⁷⁰. Впрочем, оставляю я римские названия и попробую по-гречески перечислить значения наименований этих храмов. Есть на Палатине еще храм Личной Удачи и даже Судьбы-Птицеловки⁷¹ — название хотя и смешное, но иносказанием наводящее на размышление о природе судьбы: она как бы издали заманивает и цепко удерживает все, что к ней прикоснулось. Неподалеку от источника, известного под названием MUSCOSA, есть еще храм Девственной Судьбы, на Эсквилине — Судьбы Оборачивающейся⁷²,

323

⁶⁴ См. прим. 28.

⁶⁵ См. прим. 20 и 30.

⁶⁶ Место испорчено, перевод по смыслу.

⁶⁷ См. прим. 34.

⁶⁸ В другом месте (Aet. Rom. 36, 273 В — С) Плутарх сообщает, что одни из ворот Рима называются «Окно» (φαινέστρα), а соседнее с ними здание именуется «Спальной Фортуны» (Γόχης θάλαμος). «Фасты» Овидия (VI, 577) позволяют уточнить название ворот: не Fenestra, а Fenestella. См. также L i v., I, 41, 4. Таким образом, здесь Плутарх следует более достоверным источникам, чем в «Римских вопросах».

⁶⁹ О храме Fortunaе Primigeniae см. P l u t., Aet. Rom. 106, 289 В — С. Согласно Ливию (XXXIV, 53), он был сооружен Квинтом Марцием Роллой на Квиринальском холме в 193 г. до н. э. Смысл прозвища «Первородная» объясняет Цицерон (De leg. II, 11, 28) — это Фортуна, неотступно сопровождающая каждого человека с момента его рождения.

⁷⁰ В другом месте (Aet. Rom. 74, 281 Е) Fortuna Obsequens Плутарх переводит словами Τύχη Μελιχία.

⁷¹ Τύχη Ἰξευτρία, как это видно из P l u t., Aet. Rom. 74, 281 Е, соответствует лат. Fortuna Viscata — «смазанная птичьим клеем».

⁷² Τύχη Ἐπιστραφομένη — калька с лат. Fortuna Respiciens (C i c., De leg. II, 11, 28) — «оборачивающаяся назад», «оглядывающаяся». Эпитет, вероятно, следует понимать в том смысле, что Фортуна, которая обычно повернута к людям спиной, т. е. не балует их вниманием, иногда «оборачивается» к тому или иному, чтобы осыпать его неожиданными благодеяниями.

в Длинном переулке — алтарь Судьбы Обнадеживающей, а возле алтаря Афродиты с корзиной — изваяние Мужской Судьбы ⁷³, и бесчисленное множество иных мест почитания и прозвищ, из коих большую часть учредил Сервий, потому что знал, что «во всех делах человеческой судьба ⁷⁴ — это великая сила или, лучше сказать, это — все» ⁷⁵, но больше всего из-за своей собственной счастливой судьбы, благодаря которой он, рожденный от пленницы-рабыни, был вознесен до царской власти ⁷⁶. Дело в том, что после взятия римлянами города корникуланцев пленная девушка по имени Окресия, которую судьба не обделила ни внешностью, ни нравом, была отдана в услужение Танаквиль, супруге царя Тарквиния, и ею овладел некий слуга ⁷⁷, из тех, кого римляне называют CLIENTES; от них-то и родился Сервий. Впрочем, некоторые рассказывают иначе: девушка Окресия имела обыкновение брать с царского стола начатки блюд и вино для возлияния и приносить к очагу. И однажды случилось так, что она, как это делала и раньше, бросала начатки в огонь, как вдруг пламя неожиданно погасло и из очага поднялся мужской детородный член. Перепуганная девушка рассказала об этом одной только Танаквиль, а та, женщина умная и догадливая, нарядила девушку, как положено невесте, и заперла ее, оставив наедине с призраком, в котором признала божество. Это была, как утверждают одни, любовная страсть домашнего духа-покровителя или, по мнению других, Гефеста. Итак, Сервий появляется на свет, и однажды, когда он был младенцем, голова его блеснула пламенем, подобным молнии ⁷⁸. Те же, кто следует Анциату, рассказывают по-другому: случилось так, что у Сервия умирала жена Гегания ⁷⁹; подавленного и опечаленного, его в присутствии женщин сморил сон, и когда он спал, женщины увидели, как лицо его озарилось огненным сиянием. Это и было свидетельством того, что Сервий рожден от огня, и верным знаком непредвиденной власти, которая стараниями Танаквиль перецела к нему после смерти Тарквиния. Поскольку из всех царей он, согласно преданию, был наименее способен и расположен к единовластию и даже намеревался сложить с себя царскую власть ⁸⁰, Танаквиль ему помешала: когда стало ясно, что пришло время ей умирать, она взяла с него клятву, что он останется у власти и не откажется от унаследованного от отцов римского государства. Вот сколь многим обязано Удаче царствование Сервия, которое он и получил, не ожидая, и, сам того не желая, удержал.

Е 11. Однако, чтобы не показалось, будто мы углубились в туманную древность, избегая ясных и очевидных доказательств, оставим мы царей и перейдем к рассказу о деяниях общеизвестных и войнах наиболее знаменитых. Кто не признает, что для них нужны большая отвага, мужество и, как говорит Тимофей, «честь, спутник

⁷³ Τύχη Ἰσχυρῆ соответствует Fortuna Virilis (Ovid., Fast. IV, 145).

⁷⁴ Или «удача».

⁷⁵ Дословная цитата из 2-й Олифской речи Демосфена (II, 22).

⁷⁶ О происхождении Сервия Туллия см. Dion. Hal., Ant. Rom. IV, 1, 2; Ovid., Fast. VI, 627; Plin., Hist. Nat. XXXVI, 27, 70; Auct. de vir. ill. 7.

⁷⁷ Πλάττης. Этим же словом Плутарх и в другом месте (Rom. 13, 7) переводит латинское cliens.

⁷⁸ Ср. Liv., I, 39.

⁷⁹ Упомянутая у Плутарха (Num. 10, 1) Гегания вместе с Веренцией были первыми весталками при Нуме Помпилии (715—672 гг.), учредившем в Риме культ Весты, но по хронологическим соображениям она никак не могла быть женой Сервия Туллия (578—534 гг.). См. также Dion. Hal., Ant. Rom. IV, 7.

⁸⁰ О намерении Сервия Туллия отказаться от царской власти см. Dion. Hal., IV, 34, 37; Liv., I, 48, 9.

копьеборной доблести»? ⁸¹ Между тем, успешное течение дел и бурным потоком возрастающая мощь Рима всякому здравомыслящему доказывают, что могущество это достигнуто не руками и не волей человеческой, но божественным промыслом и благоволением Удачи.

- F Трофеи воздвигаются за трофеями, триумфы следуют за триумфами, и одна кровь на доспехах, не успев остынуть, смывается другой кровью. А счет победам они ведут не по количеству убитых врагов и захваченной добычи, а по числу завоеванных царств, порабощенных народов, островов и материков, присоединенных к великой державе. В одной битве Филипп проиграл Македонию, одно неудачное сражение у Антиоха отняло Азию, единственный раз потерпев поражение, Карфаген потерял Ливию. Один человек в течение одной войны покорил Армению, Понт Эвксинский, Сирию, Аравию, Албанию, Иберию, вплоть до Кавказа и Гиркании, и трижды его победы лицезрел Океан, обтекающий Вселенную. Ливийских кочевников он преследовал вплоть до южного побережья, Иберию, охваченную мятежом Сертория, он прошел до Атлантического моря и, преследуя албанских царей, прогнал их до самого Каспия. Все это он совершил с помощью Судьбы, покровительствующей его государству, а затем был низвергнут своей личной Удачей. Но не кратковечным оказался дух-покровитель Рима, не на короткое время расцвело его могущество, как македонское, не только сухопутным оно было, как лаконское, или морским, как афинское, ни долгое время спустя оно не было ниспровергнуто, подобно персидскому, ни вскоре подавлено, как колофонское ⁸², но от самого начала, от зарождения города, с ним была неразлучна Удача, вместе с ним она росла и мужала, оставаясь несокрушимой и на суше, и на море, в военное время и в мирное, и против варваров и против эллинов. Это она, словно бушующий поток, разлила по Италии и истребила Ганнибала-карфагенянина, не получавшего из дому подкреплений вследствие зависти и недоброжелательства своих сограждан. Это она полчища кимвров и тевтонов разделила промежутком времени, чтобы Марий смог разбить тех и других по очереди, чтобы, соединившись вместе, триста тысяч непобедимых мужей неодолимым войском не наводнили Италию. Благодаря ей руки Антиоха были связаны, пока шла война с Филиппом, а когда в опасности был Антиох, Филипп, перед этим потерпев поражение, не смел что-либо предпринять. Митридата, когда Рим был охвачен огнем Марсийской войны, отвлекали войны с сарматами и бастарнами, Тиграна же с Митридатом, пока последний был в зените славы, разобщали подозрения и зависть, но когда тот начал терпеть поражения, Тигран разделил с ним гибель.
- D 12. Что же еще? Разве не хранила город Удача даже среди величайших бедствий? Когда галлы разбили лагерь у подножия Капитолия и осаждали крепость ⁸³, она

злую болезнь породила среди войска, и воины гибли ⁸⁴,

а ночной их приступ, хотя никто из защитников его не заметил, помогли обнаружить удача и случай. Пожалуй, излишне будет рас-

⁸¹ Этот же стих из «Персов» Тимофея (г. 14) Плутарх цитирует полностью в трактате *De aud. poet.* (Mor. 32 D).

⁸² Испорченное место. Вместо «колофонцев» издатели предлагали читать «карфагенян», «вавилонян», «фокейцев», «корфинийцев».

⁸³ Имеется в виду взятие Рима галлами-сенонами во главе с Бренном в 390 г., сразу же после поражения римлян на реке Аллии.

⁸⁴ II., I, 10.

- сказать об этом подробнее, хотя бы кратко. После разгрома римлян при реке Аллии те из них, кто, спасшись бегством, добрался до Рима, посеяли в народе панику, повергнув его в замешательство и смятение. Некоторые, собрав пожитки, укрылись на Капитолии, а другие, кто после бегства собрался в Вейях, немедленно выбрали диктатором Фурия Камилла, которого, когда он попал под суд за присвоение общественных денег ⁸⁵, народ бросил и покинул, потому что дела шли успешно, а перепугавшись и пав духом, стал призывать обратно, вручая ему неограниченную власть. И вот, чтобы было видно, что этот человек ее принимает в соответствии с законом, а не пользуясь обстоятельствами, и чтобы не быть ему избранным в должность от имени бежавшего и рассеянного войска, как бы не считаясь с Городом, было необходимо, чтобы сенаторы на Капитолии, узнав о решении воинов, утвердили его. И вот нашелся отважный муж, Гай Понтий ⁸⁶, который взялся лично доставить на Капитолий весть о принятом решении ⁸⁷ с большой для себя опасностью: ведь ему предстояло пробраться среди врагов, окруживших крепость кольцом караулов и частоколом. Спустившись ночью к реке, он обвязался широким пробковым поясом и, доверив свое тело выталкивающей силе этого приспособления, пустился по течению. Оно медленно и плавно понесло его вниз, и он благополучно достиг противоположного берега, выбравшись на который, направился туда, где между кострами чернел промежуток, по тишине и темноте заглянув, что там людей нет. Крепко держась за обрывистый край, где можно было поставить ногу или ухватиться рукой, цепляясь и прижимаясь к изгибам, поворотам и выступам скалы, он вскарабкался на вершину и, встреченный часовыми, рассказал тем, кто там находился, о принятом решении и, получив утверждение сената, вернулся обратно к Камиллу. На следующий день один из варваров, случайно проходя мимо, заметил то там, то здесь отпечатки пальцев ног, поврежденную и примятую траву, растущую там, где имела почва, и извилистый след, оставленный телом проползшего человека, и показал это остальным. А они, вообразив, что дорогу им показали сами враги, решили поторопиться и, дождавшись глубокой ночи, когда все стихло, взобрались наверх; незаметно не только для часовых, но даже для собак, помогавших гарнизону нести дозор. И вот такую-то беду Удаче Рима оказалось нетрудным раскрыть и сделать явной благодаря громкому крику. При храме Геры держали для служения богине священных гусей. А эта птица от природы боязлива и легко пугается малейшего шума, тогда же из-за всеобщей неразберихи среди осажденных о гусях никто не заботился, поэтому они были голодны

⁸⁵ Марк Фурий Камилл был привлечен к суду народным трибуном Луцием Аппулеем за то, что, празднуя триумф по поводу взятия гор. Вейи, ехал на белых конях; он был обвинен также в утайке части добычи, взятой в Вейях. Удалившись в изгнание, Камилл оставался в гор. Ардея до тех пор, пока заочно не был избран диктатором (De vit. ill. 23).

⁸⁶ По Диодору (XIV, 116, 3) и Фронтину (Strat. III, 13, 1) его звали Понтий Коминий. Вероятно, полное имя этого воина — Гай Понтий Коминий.

⁸⁷ Согласно Диодору (XIV, 116, 3 sqq.), Понтий Коминий пробрался на осажденный Капитолий, чтобы подбодрить находившихся там вестью, что остатки разбитого римского войска собрались в Вейях и постараются как можно скорее напасть на галлов и заставить их снять осаду. Согласно более поздней и менее достоверной традиции, к которой в данном случае примыкает Плутарх, он затеял это рискованное предприятие, чтобы получить от сената согласие на избрание Камилла диктатором (Liv., V, 46, 8 sqq.; Plut., Camill. 25; Zonar., VII, 23; ср. Claud., Quadrig. ap. Gell. XVII, 2, 24. Без имени — Dion. Hal., Ant. Rom. XIII, 7). Согласно Фронтину (Strat. III, 13, 1), наоборот, осажденные на Капитолии отправили Понтия к Камиллу с мольбой о помощи, и тот, выполнив поручение, вернулся обратно на Капитолий.

и так беспокойно спали, что сразу почувяли появившихся на вершине врагов и, громко крича, ретиво стали кидаться на них, а видом оружия напуганные еще больше, наполнили все вокруг неистовым гоготаньем. Разбуженные ими римляне вскочили и, сообразив, что

D произошло, отбили приступ и сбросили врагов вниз. И по сей день в память о том, что тогда произошло, устраивают шествие, где собаку несут распятой на кресте, а гуся торжественно восседающим на носилках, покрытых роскошным покрывалом. И зрелище это показывает, сколь могущественна и как легко может придти на помощь в любой из непредвиденных трудностей Удача, которая, предпринимая или устраивая что-нибудь, даже бессловесных и неразумных наделяет умом, а робких — смелостью и отвагой. Воистину, кто, созерцая и обнимая рассудком тогдашнее бедственное положение и нынешнее процветание города, изумленно взирая на великолепие храмов и богатство приношений, на состязания искусств, на честолюбивую щедрость городов, на венки от царей, на то, как начинки всего, что приносит земля и море, материка и реки, деревья и животные, равнины, горы и рудники, наперебой спешат украсить город и придать ему пышность, — кто не удивится и не поразится, что все это было на краю гибели, а когда всюду царили огонь, зловещий мрак и тьма, варварские мечи и жажда крови, именно робкие, бессловесные и пугливые существа положили начало спасению: великих и доблестных предводителей, родоначальников впоследствии прославленных семейств — всех этих Манлиев и Сервилиев, Постумиев и Папириев, висевших на волосок от смерти, какие-то гуси подняли на защиту отеческих богов и родной земли? И если верить тому, что о галлах, захвативших тогда Рим, рассказывает Полибий во второй книге⁸⁸, что они-де, узнавши по слухам о том, что их собственное достоинство разоряют соседствующие с ними варвары, которые вторглись на их территорию и хозяйничают там, ушли восвояси, заключив мир с Камиллом, то не может быть и возражений против того, что именно Удача стала причиной спасения, уведя, а лучше сказать, оттащив от Рима врагов вопреки ожиданиям.

326

13. Впрочем, стоит ли задерживаться там, где нет ничего ясного и определенного из-за того, что были уничтожены государственные записи римлян и погибли их летописи⁸⁹, как об этом сообщает Ливий⁹⁰? Ведь позднейшие события, еще более заметные и очевидные, доказывают благоволение Судьбы. Именно ей я приписываю даже кончину Александра — мужа великих удач и блистательных успехов, которого непоколебимая самоуверенность и гордыня, подобно метеору, влекли с востока на запад, который уже Италию озарял сверканием своего оружия. Уже и предлог у него был для похода: поражение, нанесенное Александру Молосскому при Пандосии бруттиями и луканами⁹¹; на самом же деле подстрекавшая его против всех лю-

⁸⁸ P o l y b., II, 18, 22.

⁸⁹ Некоторые рукописи дают несколько иное чтение: «из-за того, что все в Риме было разрушено и летописи погибли».

⁹⁰ L i v., VI, 1.

⁹¹ Пандосия — ахейская колония в Бруттии, на р. Ахеронт, близ совр. гор. Кюденца. Александр Эпирский или Молосский — брат Олимпиады, супруги Филиппа Македонского. С помощью Филиппа он в 342 г. сделался царем Эпира (J u s t., VIII, 6, 7), а в 336 г. женился на его дочери Клеопатре (D i o d., XVI, 91, 4; J u s t., IX, 6, 1). Примерно в 332 г. по просьбе жителей Тарента, враждовавших с луканами и бруттиями, он переправился в Италию. Успешно начав кампанию, Александр нанес этим племенам несколько поражений и заключил союз с Римом. Однако военное счастье изменило ему: примерно в 330 г. он потерпел полный разгром при Пандосии и вскоре погиб (J u s t., XII, 2; L i v., VIII, 3, 6; 17,9 sqq., 24).

С дей жажда славы и первенства разожгла в нем стремление и рвение завоеваниями превзойти Диониса и Геракла. Впрочем, он знал, что заключенная в Риме мощь и сила Италии подобны стальному клинку, ибо молва доносила ему имя римлян и громкую славу о них, как о борцах, натренированных в бесчисленных войнах.

Спор не решился б без кровопролития, я полагаю ⁹², если бы с непобедимым оружием столкнулась неукротимая гордыня. Ведь число их было не менее ста тридцати тысяч ⁹³ — мужей воинственных и отважных,

Сильных числом, приобвыкших сражаться с коней
и не менее

Смелых, когда им и пешим в сраженье вступать надлежало ⁹⁴.

⁹² Слегка переделанная цитата из «Одиссеи» (XVII, 149).

⁹³ Численность римской армии, которую можно было бы выставить против Александра Македонского, Ливий (IX, 19) определяет в десять легионов.

⁹⁴ Od. IX, 49.